

ПРИМЕНЕНИЕ «ОБЩЕГО» К «ОСОБЕННОМУ» С ПОЗИЦИЙ ГЕРМЕНЕВТИКИ Х. Г. ГАДАМЕРА

М. В. БАЙТЕЕВА *

Байтеева Марина Владимировна,
кандидат юридических наук,
докторант кафедры философии
и социологии права
Института права, социального
управления и безопасности
Удмуртского
государственного университета

В статье обсуждаются проблемы понимания правовых текстов с позиций герменевтики Гадамера. Основной проблемой интерпретации текстов права является преодоление разрыва между общим (нормативным текстом) и особенным (правовым случаем). В данной связи рассматривается идея Гадамера о решении данной проблемы с помощью философии Аристотеля. Данный способ понимания текста соединяет такие компоненты в интерпретации, как история текста, традиции его восприятия и жизненный опыт интерпретатора. Такая операция обеспечивает успех как интерпретации текста, так и применения «общих» высказываний к «специальным» случаям, а также показывает отношения между независимостью собственного понимания вещей интерпретатором и их семантическим описанием в тексте.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: герменевтика Гадамера, понимание текста, общее и особенное, применение текста, семантика текста, философия Аристотеля.

БАЙТЕЕВА М. В. APPLICATION OF THE "GENERAL" TO THE "SPECIAL" IN THE LIGHT OF H. G. GADAMER'S HERMENEUTICS

The article covers the problems of understanding of legal text in the light of Gadamer's hermeneutics. The basic problem the legal text interpretation is overcome the gap between the general (normative terms) and the special (legal case). In this regard the article considers the idea of Gadamer concerning the solution to this problem in terms of Aristotle's philosophy. This way of texts understanding comprises such aspects of interpretation as a history of a text, traditions of its perception, and life experience of an interpreter. This action ensures success both of the text interpretation and the application of the general claims to special facts, as well as shows the relations between an interpreter's own independent understanding of things and their semantic description in the text.

KEYWORDS: hermeneutics of Gadamer, understanding of a text, general and special, application of a text, semantics of a text, philosophy of Aristotle.

* Bayteeva Marina Vladimirovna — candidate of legal sciences, doctoral candidate of the department of philosophy and sociology of law of the Institute of Law, Public Management and Security of the Udmurt State University.

© М. В. Байтеева, 2013

E-mail: mbayteeva@yahoo.de

Герменевтика Гадамера имеет особое значение для теории и философии права, которые апеллируют к этическим стандартам, определяющим содержание принципов права. Так, при анализе границ свободы в праве применение «чистых» знаний этики к реальности неизменно упирается в проблему применения «общего» к «особенному», оригинальное решение которой предложено Гадамером. Как показывает он, простое наличие ответственности не дает человеку освободить себя от собственных суждений, которые означают развитие субъективности в положительном смысле: как наличие права на рефлексию, критику, автономию, определяющих собственное понимание.

«Понимание оказывается частным случаем применения чего-то всеобщего к конкретной и особенной ситуации», — подчеркивает Гадамер.¹ В отличие от традиционного понимания, понимание Гадамера имеет продуктивный характер: смысл текста права субъект выводит сам. Метод такого понимания состоит в разработке предварительного проекта сказанного текстом, который пересматривается постоянно. «Исходя из того, что постоянно присутствует в голове исследователя, герменевтическое мышление никогда не бывает линейным и формальным, оно всегда диалоговое, круговое, неотъемлемо связанное с объективным содержанием исследуемого объекта», — пишет Гадамер.² Сразу подчеркнем, что диалоговый процесс Гадамера — это не «герменевтический циркуль» классической герменевтики, а принципиально иной метод интерпретации, который отталкивается от практической философии Аристотеля.³ В этом контексте мнение некоторых авторов, утверждающих, что интерпретация Гадамера опирается на традиционный тезис: целое понимается на основе частей, части понимаются исходя из целого, — представляется несостоятельным.⁴ Лучшим доказательством этого служит аргументация самого Гадамера.

Как подчеркивает Гадамер, герменевтическая проблема текста появилась одновременно с «чистым» знанием, не связанным с бытием, что объясняется им следующим образом. «Чуждое влияние объективирующих методов современной науки, характеризующее герменевтику и историческую науку XIX столетия, предстает перед нами как следствие ложного опредмечивания. Чтобы проникнуть в суть этого последнего и избежать его, мы ссылаемся на пример Аристотелевой этики», — пишет Гадамер.⁵ Возможно, читатель задаст резонный вопрос: «Что же можно открыть нового в Аристотеле, творчество которого исследуется на протяжении столетий?» Гадамер доказывает нам, что только собственное понимание проблем, затронутых Аристотелем, позволяет взглянуть на них по-новому.

Основой герменевтики Гадамера служит аристотелевское понятие фронесис (*нем.* *phronesis*), которое в переводе с греческого языка означает «практическая разумность», «рассудительность». Понятие практической разумности употребляется Аристотелем в «Этике», характеризую способность оценивать жизненную ситуацию и правильно вести себя в ней.

---

¹ Гадамер Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики / пер. с нем.; общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. С. 369.

² Там же. С. 318.

³ Анализ этого процесса представлен в исследовании Федерико Резе. См.: *Rese F. Phronesis als Modell der Hermeneutik // Gadamer H. G. Wahrheit und Methode / hrg. Guenter Figal. Klassiker Auslegen. Bd 30. Berlin: Akademie Verlag, 2007. S. 127–150.*

⁴ Воротова А. В. Концепт перевода в философской герменевтике Х.-Г. Гадамера / Вестник Томского государственного университета. 2011. № 351. С. 44.

⁵ Гадамер Х.-Г. Истина и метод... С. 371.

Понятие «практическая разумность» можно понимать также как благоразумие, нравственное усмотрение или практическое знание, но в любом случае, как подчеркивает Гадамер, это не научное знание.⁶ По словам Ф. Реше, для Гадамера здесь важна не точность определения понятия, а смысл — способность действовать определенным образом. В чем же выражается такая способность?

Аристотель описывает в книге IV «Никомаховой этики» практическую разумность как особую форму знаний, отграничивая ее от других форм знаний: технических навыков, научных знаний и знаний философии. Именно здесь Гадамер впервые обращает внимание на разрыв между теорией и практикой, в том числе и в сфере права, что выражается, прежде всего, в дифференциации между «общим» и «особенным». «Аристотель показывает, что существует неизбежное напряжение между законом и конкретностью практического действия, поскольку всякий закон носит всеобщий характер и потому не может охватить практическую действительность во всей ее конкретности. Ясно, что именно здесь и скрывается подлинная проблема юридической герменевтики. Закон всегда несовершенен не потому, что он несовершенен сам по себе, но потому, что человеческая действительность по сравнению с тем порядком, который подразумевается законами, неизбежно остается несовершенной и, следовательно, не допускает простого применения законов», — пишет Гадамер.⁷ Таким образом, выбирая практические знания в качестве модели своей герменевтики, Гадамер проводит черту между герменевтикой практической разумности и методами интерпретации, на которую ориентируются наука и философия.

Привязка Гадамером к аристотелевскому понятию практической разумности выступает реабилитацией практической философии, которой занималась немецкая философия, в том числе Манфред Ридель, опубликовавший двухтомник под названием «Реабилитация практической философии».⁸ И Гадамер, и Ридель считают, что целью античного полиса было содействие самостоятельности человека, поэтому свобода и личная автономия рассматривались коррелятивно. Так, Аристотель подчеркивал, что универсальной ценностью всех людей принято считать счастье, но содержательно счастье для каждого может быть различным.⁹ «У врачевания — это здоровье, у судостороения — судно, у военачалия — победа, у хозяйствования — богатства и в вопросе о том, что есть счастье, возникает расхождение», — писал Аристотель.¹⁰ Таким образом, как показывает Гадамер, «общая» цель конкретизируется индивидуальным намерением, что имеет принципиальное значение для практики, в том числе и в сфере права.

Наиболее сильным моментом права считается возможность осуществлять принуждение, руководствуясь целью применения «общего» к «частному». Но принуждение никогда не было необходимым атрибутом права у Аристотеля, который подчеркивал, что принуждение не может иметь нормативного содержания, выполняя ориентирующую функцию. М. Ридель связывал эту апорию с тем, что «Этика» должна быть предпосылкой

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 376.

⁸ *Rehabilitierung der praktischen Philosophie* / hrg. M. Riedel. Freiburg: Verlag Rombach, 1972.

⁹ *Аристотель*. Никомахова этика. 1097а 1–5.

¹⁰ *Аристотель*. Никомахова этика. 1094 а 7–10, 1095 а 20–25.

«Политики», маркируя «подневольное» как внешний источник действий и, одновременно, партикулярный момент применения средства к цели.¹¹

Эти идеи оказали большое влияние и на Х.-Г. Гадамера, который рассматривает возврат к аристотелевским традициям в контексте реабилитации практического содержания античных идей. «Великая подоплека традиции практической (и политической) философии, господствующей от Аристотеля до начала XIX столетия, — если рассмотреть ее философски — состоит в независимости того познавательного вклада, который относится к практике. Конкретное особенное оказывается здесь не только исходным пунктом, но и моментом, всегда определяющим содержание всеобщего», — пишет Гадамер.¹²

Именно поэтому в качестве основы своей герменевтики Гадамер обозначает интерпретацию, которая состоит в том, чтобы, во-первых, понимать текст и, во-вторых, развивать его дальнейшую интерпретацию. В понятие герменевтики может быть включена и теоретическая рефлексия интерпретатора. Однако она представлена у Гадамера в виде метода: интерпретатор, пытаясь понять текст, может развить его интерпретацией. Поэтому, связывая интерпретационную деятельность с понятием практической разумности, Гадамер рецепирует идею Аристотеля. Если аристотелевский субъект применяет «общую цель» действия к ситуации своего действия, то гадамеровский субъект применяет текст в качестве «общего» к особой ситуации своего понимания. Таким образом, в обоих случаях речь идет об одном и том же — взаимодействии между «общим» и «особенным».

Обозначая понимание специальным случаем применения «общего» к конкретной и «особенной» ситуации, Гадамер видит здесь целый ряд проблем.¹³ «Возьмем, к примеру, понимание приказа. Приказ возможен лишь там, где есть кто-либо, обязанный ему следовать. Понимание является здесь, следовательно, моментом отношений между двумя личностями, одна из которых должна приказывать. Понять приказ — значит анализировать его к той конкретной ситуации, к которой он относится. Таким образом, не подлежит сомнению, что тот, кто получает приказ, должен проделать определенную продуктивную работу по пониманию его смысла», — пишет Гадамер.¹⁴ Что понимается Гадамером под продуктивностью смысла?

Так как текст понимается при соответствующих условиях интерпретации, во всяком тексте ставится постоянно обновляемая задача — содействовать соединению «общего» текста с особенной ситуацией понимания. Иначе говоря: текст является «общим» в качестве того, что в нем обобщено, и требует *продуктивного применения*, исходя из особой ситуации интерпретации. Применение есть соотношение между «общим» и «особенным», выбранное практической разумностью, поэтому практическая разумность и интерпретация текста стоят перед одной и той же задачей. Чтобы понять, как определяется такое соотношение, сделаем небольшой экскурс в историю герменевтики.

---

¹¹ Riedel M. Über einige Aporien in der praktischen Philosophie des Aristoteles // Rehabilitierung der praktischen Philosophie / hrg. M. Riedel. Freiburg: Verlag Rombach, 1972. S. 94–95.

¹² Гадамер Х.-Г. Истина и метод... С. 621.

¹³ Gadamer H. G. Wahrheit und Methode. Grundzüge einer Hermeneutik // Gesammelte Werke (GW). Bd I. Tübingen, 1960. S. 317.

¹⁴ Гадамер Х.-Г. Истина и метод... С. 394.

Как подчеркивает Ф. Резе, понятие «применение общего к особенному» введено в теорию герменевтики из религиозной герменевтики. Неслучайно Гадамер обращается к работам теолога Иоганна Якоба Рамбаха.¹⁵ «В старой традиционной герменевтике, целиком и полностью забытой историческим самосознанием послеромантического наукоучения, проблема применения еще занимала свое систематическое место. Признанным считалось членение на *subtilitas intelligendi*, понимание, и *subtilitas explicandi*, истолкование; в пиетизме (например, у И. И. Рамбаха) к этим двум моментам прибавляется третий: *subtilitas applicandi*, применение. Из этих трех моментов и состоял процесс понимания», — пишет Гадамер.¹⁶ Таким образом, Рамбах, характеризуя деятельность интерпретатора текста, добавлял к способности понимания и способности толкования еще и способность применения, на что и делает упор Гадамер.

Как отмечает Ф. Резе, Рамбах строго разделял все три способности между собой, чтобы показать, что толкование текста может давать три разные фазы интерпретации:

- понимание как когнитивное восприятие сказанного в тексте;
- толкование как попытка переформулировать сказанное в тексте уже собственными словами;
- применение как соотнесение понятого и переформулированное собственными словами к конкретной ситуации.¹⁷

В религиозной практике применение текста дается всегда в форме проповеди или наставления, где священник доносит до слушателя доступным языком вневременную символику религиозных книг с учетом современности.

Однако Гадамер сомневался, что религиозная герменевтика строго разграничивала между собой все три момента толкования текста, скорее, они воспринимались ею как следование друг за другом во времени отдельных частей интерпретации. Отличие религиозной герменевтики от классической герменевтики состоит, прежде всего, в отношении к разным частям интерпретации. Так, Ф. Шлейермахер считал, что герменевтика является внутренним единством понимания и толкования.¹⁸ Дильтей же, наоборот, подчеркивал, что понимание и объяснение дифференцированы.

По мнению Гадамера, герменевтическая проблема получала свое систематическое значение благодаря тому, что романтизмом было выявлено внутреннее единство понятий *intelligere* («понимать») и *explicare* («истолковывать»). Истолкование — это не какой-то отдельный акт, задним числом и при случае дополняющий понимание; понимание всегда является истолкованием, а это последнее соответственно есть эксплицитная форма понимания.¹⁹ Это значит, что для Гадамера не могут быть разделены между собой понимание, объяснение и применение, все они относятся к одному и тому же событию — попытке интерпретатора понять текст. Таким образом, выражение словами сказанного в тексте (экспликация) образует, как и применение сказанного в тексте к исторической ситуации (апликация), не дополнительный момент понимания, а является частью текста, с которым интерпретатор «ведет разговор».

¹⁵ Rese F. Phronesis als Modell der Hermeneutik. S. 129–130.

¹⁶ Гадамер Х.-Г. Истина и метод... С. 364.

¹⁷ Rese F. Phronesis als Modell der Hermeneutik. S. 130 f.

¹⁸ Schleiermacher F. Über den Begriff der Hermeneutik, mit Bezug auf F. A. Wolfs Andeutungen // Sämtliche Werke III. Berlin, 1835. S. 344–386.

¹⁹ Гадамер Х.-Г. Истина и метод... С. 364.

Отстаивание Гадамером единства всех трех моментов интерпретации привело к его полемике по этому поводу с Эмилио Бетти.²⁰ «Существующая ныне теория герменевтики основывается на различиях, которые она сама не способна проводить последовательно. Это становится особенно очевидным при попытках построения всеобщей теории интерпретации. Если, к примеру, различают когнитивное, нормативное и репродуктивное истолкование, как это делает Э. Бетти в своей характеризующейся удивительной широтой познаний “Всеобщей теории интерпретации”, то возникают трудности при подведении феноменов под это разделение. Это относится в первую очередь к научному истолкованию», — писал Гадамер.²¹ В чем заключалась суть их разногласий?

Э. Бетти в своей «Теории интерпретации» отмечал, что в толковании текста можно выделять совершенно различные моменты. Так, он проводит различия между филологическим моментом, который позволяет воспринимать текст в его «образе», от критического момента, который задает вопрос о подлинности фрагментов текста и может предшествовать в качестве такового толкованию. Также, по мнению Бетти, толкование может быть подчинено «аксиологической критике», которая соизмеряет сказанное в тексте с ценностным масштабом, и таким образом оценивает текст. Вводя различия между филологией и критикой, Бетти проводит дифференциацию между тремя видами толкования, в которых без труда можно узнать выделяемые еще Рамбахом моменты интерпретации. «Поскольку все три вида толкования могут сменять друг друга как три момента интерпретации, Бетти говорит о когнитивном, репродуктивном и нормативном моментах толкования», — пишет Ф. Резе.²² Таким образом, Бетти подчеркивает последовательность этих моментов интерпретации во времени, в то время как Гадамер выступает за их унификацию.

Как уже отмечалось, между законом и конкретностью практического действия существует неизменное напряжение, поскольку любой закон носит всеобщий характер и не может охватить практическую действительность в ее конкретике. Например, задача нравственного знания состоит в том, чтобы, присматриваясь к конкретной ситуации, субъект мог понять, что требуется от него. «Иными словами, практически действующий человек должен рассматривать каждую конкретную ситуацию в свете того, что требуется от него в целом и в принципе. Высказанный негативно, этот тезис гласит, что всеобщее знание, не апплицирующее себя к конкретной ситуации, остается бессмысленным, и больше того: грозит затемнить конкретные требования, диктуемые ситуацией», — пишет Гадамер.²³ Практическая разумность позволяет рассматривать ситуацию практического действия таким образом, чтобы для субъекта было ясно: может он или нет осуществить общие цели, определенные текстом. Таким образом, в отношении действий субъекта стоит задача найти правильные аргументы для последующего принятия решения: практическая разумность как бы «информирует» об этом субъекта и способствует выбору правильного в конкретной ситуации.

В процессе понимания текста практическая разумность действует иначе: она относит к интерпретатору текст как «общее» в ситуации особого

---

²⁰ Betti E. Allgemeine Auslegungslehre als Methodik der Geisteswissenschaften. Tübingen, 1967. S. 206 ff.

²¹ Гадамер Х.-Г. Истина и метод... С. 366.

²² Rese F. Phronesis als Modell der Hermeneutik. S. 131 f.

²³ Гадамер Х.-Г. Истина и метод... С. 370–371.

индивидуального понимания. В чем же суть такого индивидуального понимания? Гадамер рассуждает так: поскольку текст есть «общее» для всех, это значит, что интерпретатор делит текст со многими другими интерпретаторами. Между разными интерпретаторами существуют, конечно же, различия: разница между временем, когда текст читается, и временем, которое предшествует чтению и в котором оформилась индивидуальная жизненная история интерпретатора. Этот аспект способствует тому, что горизонт понимания интерпретатора всегда индивидуален, хотя на него огромное влияние оказывает традиция.

Чтобы понимать текст, интерпретатор должен справиться с применением «общего» к «особенному», так как от этого зависит решение вопроса, сможет ли он применить сказанное в тексте к собственным суждениям и таким способом достичь другого понимания вещей, предлагаемых текстом. Только тогда интерпретатор может утверждать, что он понял текст. По мнению Гадамера, ни отдельное (единичное), ни общее не даны до встречи с ситуацией действия или до чтения текста. Только в самой встрече действующего и ситуации действия, интерпретатора и текста, можно обнаружить «общее» в качестве цели, желания чего-то достичь. Действующий как бы «вызван» ситуацией, для того чтобы рассмотреть, что требуется в ней от него.²⁴ Поэтому, в представлениях Аристотеля, благо дается действующему, для того чтобы проверить, как он обходится с особенной ситуацией.

По Гадамеру, ситуация с интерпретацией текста аналогична: смысл «общего» не дан интерпретатору до тех пор, пока он «независим» от текста. Интерпретатор должен соотносить текст со своим прежним пониманием вещей и своей конкретной ситуацией, если он хочет иметь доступ к смыслу сказанного.²⁵ Таким образом, вне индивидуальной ситуации понимания интерпретатора смысла текста не существует.

В этом контексте довольно ясно выражена критика Гадамером канонов юридического толкования. «Мы живем с естественным убеждением, что правовой смысл того или иного действующего закона полностью однозначен и что современная нам юридическая практика просто следует его изначальному смыслу. Если бы это всегда было так, то вопрос о смысле того или иного закона был бы как с юридической, так и с исторической точки зрения одним и тем же вопросом. В таком случае и для юриста герменевтическая задача состояла бы ни в чем ином, как в установлении изначального смысла закона и последующем применении его в качестве правильного смысла», — пишет Гадамер.²⁶ Этим, собственно, и занимается современная теория толкования права.

Здесь необходимо пояснить мнение Гадамера о том, что значит для него «общее». Если «общее», будь это цель правовых действий или смысл правового текста, понимается лишь в конкретной ситуации, это вовсе не означает, что «общее» не существует вне ее.²⁷ Если следовать Аристотелю, то действующий ориентирован на определенную цель действий (хорошую или плохую) на основании своего характера. В этом Аристотель видит выражение силы или слабости характера, что определяет предпочтения субъекта в зависимости от его индивидуальных особенностей. Вспомним «Никомахову этику»: тот, кто смел, поступает в конкретной ситуации скорее смело, тот, кто справедлив, ведет себя в конкретной ситуации справедливо

²⁴ *Gadamer H. G. Wahrheit und Methode. S. 318.*

²⁵ *Ibid. S. 329.*

²⁶ *Гадамер Х.-Г. Истина и метод... С. 385.*

²⁷ *Rese F. Phronesis als Modell der Hermeneutik. S. 132.*

и т. д., словом, характер располагает действующего к определенному поведению, предшествуя встрече с конкретной ситуацией.

Эти идеи Гадамер заменяет на то, что благо определяется в качестве ценности стремления к чему-либо в определенной ситуации. По аналогии с этим рассуждением, между интерпретатором и текстом нет заранее установленного масштаба вне текста, которым измеряется сказанное в нем. Таким образом, намерение интерпретатора в представлении Гадамера существует для того, чтобы обнаружить прежнее понимание вещей с помощью сказанного в тексте.

Такое обнаружение достигается своеобразным методом. Например, судья, исполняющий свои обязанности, должен обнаруживать смысл текста с помощью аппликации, которая представлена во всех формах понимания.²⁸ «Аппликация — это не приложение к конкретному случаю некоего всеобщего, которое было изначально дано и понято само по себе, но аппликация и есть действительное понимание самого всеобщего, которым является для нас данный текст. Понимание оказывается родом действия (*Wirkung*) и познает себя в качестве такового», — подчеркивает Гадамер.²⁹ Именно аппликация собственного понимания к сказанному в тексте показывает дифференциацию между «общим» и «особенным».

Например, если в действии «общее», ставящее цели, проверяется индивидуальными особенностями в конкретной ситуации, то в интерпретации «общее» проверяется горизонтом понимания, которое может реципироваться разными интерпретаторами. В обоих случаях «общее» применяется к «особенному», что имеет важное последствие — интерпретатор должен подчиняться собственному пониманию вещей, если он хочет понимать текст, в котором он встречается с рассуждениями об этих вещах.³⁰

По Гадамеру интерпретатору всегда не хватает возможности критики сказанного в тексте. Но это не означает, что в понимании текста применяются имеющиеся знания к сказанному в тексте, а описанное уже известно. Скорее, интерпретатор использует свои прежние суждения и только так может изменять собственные знания, поэтому аппликация «общего» к «особенному» затрагивает сторону *пред-суждения* (предрассудка) интерпретации о вещах в прежних знаниях интерпретатора. Что имеет здесь в виду Гадамер?

«Само по себе слово “предрассудок” (*Vorurteil*) означает предсуждение, то есть суждение (*Urteil*), вынесенное до окончательной проверки всех фактически определяющих моментов. Применительно к судебной практике речь здесь идет о правовом пред-решении, предшествующем вынесению собственно окончательного приговора. Для участника судебной тяжбы вынесение против него такого предварительного приговора ведет, разумеется, к уменьшению его шансов. Так, *prejudice*, как и *praejudicium*, означает также и просто нарушение интересов, вред, невыгоду. Однако эта негативность является всего лишь следствием. В основе ее лежит как раз позитивная значимость, правовая ценность предварительного решения — точно так же, как любой прецедент имеет в первую очередь позитивную правовую ценность. “Предрассудок”, таким образом, вовсе не означает неверного суждения; в его понятии заложена возможность как позитивной, так и негативной оценки», — пишет Гадамер.³¹ Таким образом, для

²⁸ Гадамер Х.-Г. Истина и метод... С. 402.

²⁹ Там же. С. 403.

³⁰ Gadamer H. G. *Wahrheit und Methode*. S. 316.

³¹ Гадамер Х.-Г. Истина и метод... С. 323.

герменевтики пред-суждение является частью метода аппликации и связано с исторической ситуацией понимания.

Если Рамбах подразумевал под «практической аппликацией» применение сказанного в тексте в соответствии с условиями исторической ситуации понимания, то у Гадамера на переднем плане стоит сам интерпретатор. Ведь аппликация является всегда моментом собственного понимания текста интерпретатором. Из этого рассуждения следует вывод о том, что интерпретатор следует сказанному в тексте в условиях исторической ситуации без владения методами анализа текста. Интерпретатор должен «подставлять» события текста к своему пониманию вещей. Для этого он должен, как пишет Ф. Резе, «всмотреться в текст словами», что означает придать им «голос» в собственных размышлениях о вещах текста. Таким образом, виртуальный диалог интерпретатора и автора предпосылает активность интерпретатора, и он пытается не только применить свои суждения к тексту, но и наоборот, попытаться применить сказанное в тексте к своим рассуждениям о вещах и исторической ситуации понимания.³² Только так текст может доказать свою актуальность.

Как замечает Гадамер, предрассудки и пред-мнения, владеющие сознанием интерпретатора, не находятся в его свободном распоряжении и он не может изначально отделить продуктивные предрассудки, делающие понимание возможным, от тех, которые препятствуют пониманию и ведут к недоразумениям. «Такое разделение должно происходить в процессе самого понимания, и потому герменевтике следует поставить вопрос о том, как же оно происходит. А это означает, что на передний план должно выдвигаться то, что предшествующая герменевтика оставляла целиком в тени: временное отстояние и его значение для понимания», — пишет Гадамер.³³

Как следует из вышесказанного, и понимание текста, и понимание действия неразрывно связаны с ситуацией. С одной стороны, ситуация понимания текста является особой ситуацией субъекта (действия или интерпретации), в которой он находится на основании своей индивидуальной истории, или предпосылаемой истории другого текста. С другой стороны, ситуация понимания является частью духовной или культурной истории, определенной традициями и отмеченной пред-суждениями интерпретатора. Если рассматривать ситуацию понимания таким образом, то становится понятным, почему для Гадамера интерпретатор включен в событие актуальной и прошлой истории, позволяя говорить ему о «закрытом контуре истории».³⁴ «Чтобы познать, историческое исследование ставит вопросы, всегда адресуя их иному: традиции, которая всегда является новой и всегда новой по-новому. Его ответ никогда, в отличие от эксперимента, не имеет однозначности увиденного собственными глазами», — подчеркивал Х.-Г. Гадамер.³⁵ Таким образом, «замкнутый контур» истории означает новое «прочтение» образов прошлого, исходя из задач, которые ставит перед историком современность.

Такие размышления о горизонте ситуации и временности всякого понимания находят выражение в концепте практической разумности в вопросе блага, который соотносится с вопросом «правильного» момента. Здесь в фокус внимания попадает «транзитивность» ситуации понимания текста.

³² Gadamer H. G. Wahrheit und Methode. S. 329.

³³ Гадамер Х.-Г. Истина и метод... С. 350.

³⁴ Gadamer H. G. Wahrheit und Methode. S. 281.

³⁵ Гадамер Х.-Г. Истина и метод... С. 265.

Правильный «момент» или подходящее время обозначается Аристотелем термином «кайрос»,³⁶ и здесь становится решающей индивидуальная ситуация пред-понимания, в которой текст говорит с интерпретатором. Таким образом, для интерпретатора диалог с текстом приносит результат только тогда, когда текст занят теми же вопросами, что и интерпретатор.

К этому замечанию можно добавить другие размышления, которые Гадамером в явной форме не выражены. Например, очевидно то, что от индивидуальных и культурных предпосылок может зависеть то, какой текст актуален определенному моменту, и интерпретатор сам определяет свою причастность к ситуации чтением определенного текста. Это означает, что благо зависит от возможностей, которые даются благодаря новому взгляду на вещи. Если находиться вдали от поиска вопросов, то едва ли есть возможность у текста быть понятным. Может быть и такая ситуация: чтение дает возможность измениться, дать ситуации новый вектор развития.

Несмотря на диалоговые отношения текста и интерпретатора, понимание текста целиком зависит от личности интерпретатора, который обдумывает свою интерпретацию или решения. В таком размышлении «общие» цели применяются к обстоятельствам «особой» ситуации и данный процесс выступает практическим суждением, определяющим решение и поведение. Содержанием понятия «размышление» является внутренний монолог с самим собой, в ходе которого субъект как бы сам с собой советуется, как ему поступить.³⁷ Аристотель понимает этот процесс так, что действующий размышляет о том, что было бы для него в этой ситуации хорошим или плохим действием. В своей ранней статье «Практические знания» Гадамер подчеркивал, что способность с собой посоветоваться делает человека заинтересованным в советах других.³⁸ Только потому, что мы можем размышлять, мы способны принимать как свои собственные советы, так и советы других. Таким образом, Гадамер дополняет возможность субъективного размышления интересным субъективным обсуждением, и в обоих случаях на переднем плане стоит ментальная активность отдельного человека.

Если взглянуть на другую сторону аналогии практической разумности в плане действия и в плане интерпретации, то появляется следующий вопрос: каким образом воспринимается активность размышления? Значит ли это, что в случае, если интерпретатор пытается понять текст, он уже размышляет, и наоборот? И как вообще у интерпретатора появляются размышления?

Как считает Ф. Резе, цель интерпретатора — понять текст — обнаруживает структуру размышления над текстом, которая аналогична структуре принятия решения по действию.³⁹ Однако вместо действия «сам с-собой-советуюсь» представлено действие «советоваться с-другим», где другим является текст. Иначе говоря, если интерпретатор размышляет по поводу того, как он должен понимать сказанное в тексте, то он советуется с текстом о том, как понимать вещи, о которых идет речь в тексте, и о которых он сам уже думал. В этом проявляется глубокий смысл понимания по Гадамеру.

Для Гадамера непреложен тот факт, что всякое понимание является одновременно толкованием, поскольку совершается онтологически в языке. «Круг понимания не является “методологическим” кругом, он описывает

³⁶ Аристотель. Никомахова этика. I 4, 1096 а 32.

³⁷ Rese F. Phronesis als Modell der Hermeneutik. S. 135.

³⁸ Gadamer H. G. Praktisches Wissen // Gesammelte Werke (GW). Bd 5. Tuebingen, 1985. S. 245.

³⁹ Rese F. Phronesis als Modell der Hermeneutik. S. 135.

онтологический структурный момент понимания», — писал Гадамер.⁴⁰ Этот момент образует особое свойство интерпретации, поэтому применение есть ее интегральный элемент. Ряд исследователей по-другому понимают онтологическое измерение языка в трактовке Гадамера. Так, Н. С. Автономова считает, что онтологизация языка, — это совокупность явлений, фиксирующих превращение языка в некое самодостаточное, «непрозрачное» бытие, не сводимое к каким бы то ни было закономерностям внеязыкового плана.⁴¹ По мнению А. В. Воротовой, онтологическую трактовку языка можно сформулировать в следующих тезисах: язык — это активное начало по отношению к его носителям; язык является мировидением; язык не предмет знания; язык — это универсальная среда, в которой свершается понимание.⁴² Правда, здесь автор также замечает, что понимать язык означает вовсе не знать язык, а жить в нем, видеть в нем мир. Что же означает для Гадамера «жить в языке»?

Часть третья «Истины и метода», которую Гадамер целиком посвящает онтологии языка, называется «Онтологический поворот герменевтики на путеводной нити языка». Важным моментом онтологической характеристики языка представляется следующее утверждение автора: «Герменевтический феномен оказывается особым случаем отношений между мышлением и речью, загадочная близость которых приводит к сокрытию языка и мышления. Истолкование, как и разговор, есть круг, замыкаемый в диалектике вопроса и ответа. В среде языка осуществляется подлинное исторически-жизненное отношение, которое мы можем поэтому назвать разговором также и в случае истолкования текстов», — пишет Гадамер.⁴³ Здесь можно выделить два онтологических момента языка — речь и диалог, которые оба соединяют язык с бытием. Таким образом, применение «общего» к «особенному» имеет вид диалога, который ведет человека к бытию.

Образцом диалога является платоновская диалектика, в которой Сократ обсуждает вопросы о разных вещах со своими собеседниками. На месте собеседника выступает текст, который интерпретатор вызывает к диалогу своим собственным пониманием вещей. Диалог с текстом аналогичен сократовским беседам, когда Сократ вел через вопросы своих партнеров по разговору к другому пониманию вещей. «К сущности вопроса относится то, что вопрос имеет смысл. Смысл, однако, есть направленность (Richtungssinn). Смысл вопроса — это, таким образом, направление, в котором только и может последовать ответ, если этот ответ хочет быть осмысленным, смыслообразным», — пишет Гадамер.⁴⁴ В этом процессе прежние мысли о вещах сталкиваются с текстом и тем самым усиливают рефлексию. Поэтому размышление над текстом в ходе интерпретации называется диалогом с текстом.

Ориентация на платоновскую диалектику отражает процесс протекания диалога интерпретатора с текстом, и диалог позволяет понять текст. Во время размышления над тем, как поступить в конкретной ситуации, практическая разумность ориентируется не столько на благо конкретной ситуации, сколько на благо действующего субъекта, поэтому диалог не

⁴⁰ Гадамер Х.-Г. Истина и метод... С. 348.

⁴¹ Автономова Н. С. Познание и перевод. Опыт философии языка. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. С. 554.

⁴² Воротова А. В. Концепт перевода в философской герменевтике Х.-Г. Гадамера. С. 44.

⁴³ Гадамер Х.-Г. Истина и метод... С. 452.

⁴⁴ Гадамер Х.-Г. Истина и метод... С. 426–427.

имеет направленности на заданную цель. Скорее, заданная цель служит познанию вещей, которые обсуждаются диалогом. Аналогично обстоят дела и с текстом. Интерпретатор не меряет текст заданным масштабом, ориентируясь на его положительное содержание, он пытается понять текст с помощью данных в нем рассуждений. В этой связи размышления интерпретатора выступают возвратом к платоновской беседе, что позволяет исключить из практической разумности идею «блага». Это имеет важные последствия для понимания герменевтики, поскольку в диалоге с текстом не спрашивается об истинности сказанного в тексте. Следуя идее платоновского диалога, Гадамер понимает под истинной динамикой понимания сказанного в тексте и, тем самым, понимания вещей.⁴⁵

Такой взгляд на диалог был предметом критики Ю. Хабермаса.⁴⁶ Что критиковалось здесь? Прежде всего, Хабермас критиковал утверждение Гадамера о том, что тот, чьи собственные предсуждения не являются масштабом для других, способен воспринимать другие мнения для себя и быть справедливым по отношению к собственной оценке. Хабермас считал, что это может вести к некритическому отношению к мнению, представленному в тексте. Гадамер же настаивал на том, что интерпретатор должен подчиняться тексту не потому, что интерпретация — это власть знаний, а потому, что это добровольный процесс самоподчинения тексту.⁴⁷ Благодаря этому то, что сказано в тексте, приводит к осмыслению выведенных значений текстом в условиях современности.

По мнению Ф. Резе, здесь очевиден вопрос о том, каким образом определяется связь знаний с личностью интерпретатора. Интерпретатор для Гадамера — это посредник между прошлым и будущим, тот человек, который способен переводить прошлое на язык современности. Интерпретатор — это не средство, стоящее на службе понимания прошлого. То, что интерпретатор с помощью чтения текста изменяет традиции, является ситуацией приобретения герменевтического опыта через диалог.⁴⁸ Герменевтический опыт имеет дело с текстом, поэтому текст должен быть испытан в этом опыте. «Предание (текст. — М. Б.) является подлинным партнером по коммуникации, партнером, с которым мы объединены подобно тому, как «Я» объединено с «Ты». Ясно, что опыт «Ты» должен носить специфический характер, поскольку «Ты» не есть предмет, но само вступает с нами в отношения. Поэтому выделенные структурные моменты опыта претерпевают здесь определенные изменения», — пишет Гадамер.⁴⁹ Какие это изменения?

Как уже отмечалось, Гадамер описывает размышления интерпретатора о сказанном в тексте с опорой на платоновскую диалектику: как диалог в форме вопросов и ответов. Диалог — в противоположность застывшей форме высказывания в письменной фиксации, — характеризует то, что в диалоге язык осуществляет смыслокоммуникацию, в которой и состоит задача герменевтики.⁵⁰ Поэтому всякое знание проходит через вопрос. «Спрашивать — значит выводить в открытое... и чтобы убедиться в чем-либо на собственном опыте — для этого необходима активность

⁴⁵ Gadamer H. G. Wahrheit und Methode. S. 490–494.

⁴⁶ Habermas J. Zur Logik der Sozialwissenschaften // Philosophische Rundschau 14. Beiheft I. Tübingen, 1967. S. 172–180.

⁴⁷ Gadamer H. G. Wahrheit und Methode. S. 316.

⁴⁸ Gadamer H. G. Wahrheit und Methode. S. 352–368.

⁴⁹ Гадамер Х.-Г. Истина и метод... С. 421.

⁵⁰ Там же. С. 433.

вопрошания», — пишет Гадамер.⁵¹ Поскольку текст не может, как обычный собеседник, ставить вопросы и давать ответы, активность текста имеет очень своеобразный характер. В реконструкции вопросов, на которые текст как бы дает ответ, и вопросов, которые обсуждаются в его разделах, интерпретатор движется по пути, обозначенному текстом. «Мы стремимся реконструировать вопрос, на который данное содержание предания было бы ответом. Реконструкция вопроса, на который текст должен быть ответом, сама осуществляется в рамках спрашивания, путем которого мы ищем ответ на вопрос, поставленный нам текстом», — пишет Гадамер.⁵²

Интерпретатор пытается понять, какие вопросы положены в основу в мотивации текста и как они аргументируются, поэтому такой процесс всегда направлен на поиск смысла. Здесь интерпретатор исходит из собственного представления о том, какими могли быть эти вопросы по отношению к вещам, о которых говорит текст. Ощущая разницу, которая обнаруживается между собственным представлением относительно вещей и обсуждаемым в тексте, интерпретатор учится из текста новому пониманию вещей.

Именно поэтому герменевтический опыт всегда связан с личностью понимающего: в процессе применения текста к актуальной ситуации интерпретатор размышляет прежде всего сам с собой. Речь идет не столько об адресатах интерпретации, сколько о собственных пред-суждениях о вещах, выраженных текстом. Чтобы понимать текст, интерпретатор должен не просто предвидеть развитие конкретной ситуации, для понимания он должен применить текст к этой ситуации.⁵³ Это говорит о том, что понимание рассматривается Гадамером как событие, которое исполняется в сознании интерпретатора. Тем самым понимание индивидуально и персонально.

Надо заметить, что «общее» имеет, как правило, претензии на истинность, но метод верификации (что правильно, а что нет) имеет несколько измерений. Прежде всего, в контексте рассмотрения пред-суждения интерпретатора, это значит, что горизонт понимания интерпретатора всегда обусловлен исторически.⁵⁴ С одной стороны, текст возникает в определенных исторических условиях, с другой стороны, интерпретатор живет в другом историко-культурном измерении, которое накладывает отпечаток на его понимание тех вещей, о которых идет речь в тексте. Поэтому горизонт понимания интерпретатора индивидуален по-особому. «Наши собственные размышления позволили, тем не менее, осознать, что в понимании всегда имеет место нечто вроде применения подлежащего пониманию текста к той современной ситуации, в которой находится интерпретатор», — пишет Гадамер.⁵⁵ Интерпретатор делит понимание текста со своими современниками, и в этом смысле сознание индивида является лишь мерцанием в замкнутом контуре исторического пространства. Поэтому пред-суждение имеет более емкий смысл, чем просто суждение о реальности собственного бытия.

Гадамер не абсолютизирует субъективность, скорее он убежден в существовании особого вида знаний, связанного с ней.⁵⁶ Никто не может понимать текст, подчеркивает Гадамер, если не понимает сам себя.

⁵¹ Там же. С. 426–427.

⁵² Там же. С. 439.

⁵³ *Gadamer H. G. Wahrheit und Methode.* S. 329.

⁵⁴ *Ibid.* S. 280–281.

⁵⁵ *Гадамер Х.-Г. Истина и метод...* С. 364.

⁵⁶ *Gadamer H. G. Wahrheit und Methode.* S. 321–328.

В этом смысле субъективность интерпретатора не просто внешний момент процесса понимания, но она является сущностным моментом для понимания: *субъективность — это место, откуда происходит понимание*. Таким образом, практическая разумность как особый вид знаний неотделима от субъекта, в отличие от знаний-навыков; она всегда связана с личностью действующего, и достигается самим действующим через опыт.

Никакие научные знания не могут заменить практическую разумность. «Современная наука лишь развивает на свой методологический лад то, стремление к чему заложено уже во всяком опыте. Ведь всякий опыт значим лишь постольку, поскольку он подтверждается; в этом смысле его достоинство покоится на его принципиальной повторимости», — пишет Гадамер.⁵⁷ Опыт имеет значение для интерпретатора, так как он достигает знания практической разумности только на основании опыта и прохождения через многообразие жизненных ситуаций. Поэтому, по Гадамеру, интерпретация — это особый вид знаний: знание себя и знание для себя.⁵⁸

Поскольку практическая разумность как особый вид знаний привязана к личности действующего, герменевтическое знание создает способность интерпретатора понимать и интерпретировать текст. Поэтому герменевтическое знание всегда привязано к интерпретатору. Интерпретатор должен применять текст к прежнему пониманию вещей и с их помощью обнаружить то, что он хотел бы понять в тексте. По Гадамеру это означает, что собственные пред-суждения интерпретатор вовлекает в диалог с текстом, чтобы модифицировать их через суждения, встреченные в тексте. В результате этого горизонт понимания интерпретатора изменяется, а точнее, как выражается Гадамер, «сплавляется» с горизонтом текста.⁵⁹

Рассуждения субъекта являются частью решения действующего, поскольку решение определялось Аристотелем как «продуманное стремление».⁶⁰ Суждение направляет действующего и ответственно за то, чтобы действующий вел себя так, как он это обдумал. Итогом размышлений интерпретатора над текстом является сама интерпретация. У интерпретации можно спросить, есть ли критерий правильности для нее. И каким бы ни был ответ, очевидно, что критерий правильной интерпретации не может иметь внешний масштаб блага.

Здесь уместен вопрос о том, является ли процесс интерпретации собственным благом для субъекта или эта деятельность может быть направлена на внешние, т. е. общие для всего общества, цели? Поскольку совет с текстом покоится на размышлении, которое воспринимается в качестве блага, интерпретация всегда имеет положительный характер. При достижении способности практической разумности разные интерпретации идут на пользу субъекта в принятии собственных решений. В зависимости от постановки вопросов, когда читается и интерпретируется текст, значение обсуждаемых вещей может быть иным, чем сказано в тексте. Так же может быть и в отношении действий: в зависимости от того, какие цели преследует действующий, он может действовать различно в ситуациях, которые в соответствии с этим правильны или нет. Поэтому, как подчеркивает Ф. Резе, герменевтику Гадамера можно назвать практикой принятия решений.⁶¹

⁵⁷ Гадамер Х.-Г. Истина и метод... С. 409.

⁵⁸ Gadamer H. G. Wahrheit und Methode. S. 321.

⁵⁹ Ibid. S. 311 ff.

⁶⁰ Аристотель. Никомахова этика. VI 2, 1139 b4–5.

⁶¹ Rese F. Phronesis als Modell der Hermeneutik. S. 142 ff.

Практическая разумность субъекта выполняет ориентирующую функцию для его действий, и таким образом становится реакцией на различные ситуации. Технические навыки, в отличие от практической разумности, направляют умение субъекта на создание вещей, имея в основе теоретические знания. Таким образом, цель, определенная действующим, может реализоваться только через его собственные действия.

На этот аспект указывал еще Аристотель: справедливость достигается через справедливые действия, поэтому быть справедливым и проявлять активность, через которую достигается эта цель, не отделимо друг от друга. В противоположность этому цель, определенная техническим умением, может быть от самой деятельности отделена и существовать в качестве отдельного «продукта». На основании таких различий в структуре целей в приведенных видах деятельности, знания, руководящие действием, более тесно привязаны к личности, чем знания, руководящие созданием продукта.

Эти размышления имеют важные последствия для герменевтики. Аналогия между практической разумностью и герменевтикой Гадамера приводит к тому, что пред-суждение интерпретатора действует как цель при оценке ситуации. «Интерпретатор не может в понимании отказаться от себя и своего пред-суждения о вещах. Так как если он пытается это сделать, то он впадает в иллюзию якобы “объективного” (научного) понимания вещей», — пишет Гадамер.⁶² Есть и другое важное последствие: диалог с текстом оказывает обратное влияние на интерпретатора и интерпретатор не может уклоняться от этого. Здесь интерпретатор ставит под вопрос прежние суждения о своих вещах; и если он соглашается с аргументацией текста, то изменяет свое прежнее мнение. Так формируется герменевтический опыт, который интерпретатор приобретает через диалог с текстом.⁶³

Ориентация герменевтики Гадамера на практическую разумность подчеркивает диалоговый характер понимания, открывающего доступ к смыслу сказанного в тексте. Это отличает гадамеровскую герменевтику от прежних моделей герменевтики, которые ориентированы на модель теории или обычной техники толкования. Если герменевтика, понимание текста и интерпретация относились бы к практике, то знания, которыми руководствуется интерпретатор, должны передаваться по аналогии со знаниями-навыками. Но знания интерпретатора нельзя передать с помощью методических приемов, которые применялись бы в понимании. Как протекает обучение интерпретатора? Как считает Резе, Гадамер сказал бы так: через развитие определенного поведения, которое достигается повторением деятельности, которая осуществляется с установкой на определенное поведение.⁶⁴ Это поведение обозначает готовность интерпретатора ставить под вопрос собственные пред-суждения о вещах через диалог с текстом. Результатом диалога с текстом становится интерпретация, которая достигается в результате понимания сказанного в тексте. Такой диалог должен привести к «новому», не предопределенному заранее, пониманию, и зависеть от вопросов интерпретатора. Поэтому интерпретатор достигает «конца» интерпретации тогда, когда он получает ответ на свои вопросы. С совершенствованием вопросов интерпретация текста никогда не достигает конца. Таким образом, для Гадамера интерпретация основывается на опыте, который оценивает ситуацию с помощью практической разумности.⁶⁵

⁶² Gadamer H. G. Wahrheit und Methode. S. 314.

⁶³ Ibid. S. 366.

⁶⁴ Rese F. Phronesis als Modell der Hermeneutik. S. 145 ff.

⁶⁵ Gadamer H. G. Wahrheit und Methode. S. 320 ff.

Опыт интерпретации текста имеет другие свойства, чем практика по производству вещей. Даже отрицательный опыт несет в себе определенный смысл. «Негативность опыта имеет своеобразный продуктивный смысл. Мы не просто преодолеваем заблуждение и направляем наше знание, но речь идет о приобретении нового знания, которое может иметь далеко идущие последствия», — пишет Гадамер.⁶⁶ Для технических навыков опыт тоже имеет значение, но такой опыт применяется к тому, что имеет внешнее выражение в материальных предметах. Иначе, в случае интерпретации, здесь нет выраженного предмета: понимание вещей и пред-суждения о них до встречи с текстом еще не преобразованы. Опыт проявляется здесь скорее в том, что текст применяется к пред-суждениям интерпретатора, а не наоборот — интерпретатор применяет свои пред-суждения к тексту. Это означает, что с интерпретатором происходят изменения из-за текста: через диалог горизонт понимания субъекта изменяется. Пред-суждения могут подтверждаться или опровергаться, и в таких диалоговых отношениях формируется герменевтический опыт.⁶⁷ Таким образом, Гадамер делает важный вывод о том, что знания интерпретатора покоятся на масштабе опыта.⁶⁸

Поведение интерпретатора в отношении текста открыто, но это не значит, что горизонт понимания интерпретатора до встречи с текстом не прояснен. Пред-понимание вещей уже отпечатано знанием предыдущих текстов и, соответственно, принадлежностью к определенной культуре.⁶⁹ Суждение в ситуации действия, которое отпечатано определенными представлениями морали, также исторически обусловлено. Обусловлено, но не предопределено, на что обращает внимание Гадамер. Приведем в этом контексте следующее примечание в отношении юридического толкования: «Как для юридической, так и для теологической герменевтики конституирующим является напряжение, существующее между данным текстом (законом или благой вестью), с одной стороны, и тем смыслом, который он получает в результате его применения в конкретной ситуации истолкования (судебный приговор или проповедь), с другой стороны. Закон не претендует быть понятым исторически, он должен быть путем истолкования лишь конкретизирован в своей правовой значимости», — пишет Гадамер.⁷⁰

Сложность данной проблемы демонстрирует необходимость применения к правовым явлениям специальных масштабов оценки, которые соединяют «общее» и «особенное» в рамках «пространства опыта» и «горизонта ожидания» человека.⁷¹ В такой перспективе разум интерпретатора правовых текстов не субъективен, а обусловлен одновременной принадлежностью к культуре и собственной истории жизни. В этом смысле текст права можно понимать не как описание «общих» целей для всех, а как представление возможностей реализации собственного опыта субъекта.

⁶⁶ Гадамер Х.-Г. Истина и метод... С. 416.

⁶⁷ Gadamer H. G. Wahrheit und Methode. S. 359 f.

⁶⁸ Ibid. S. 326, 363.

⁶⁹ Ibid. S. 361–367.

⁷⁰ Гадамер Х.-Г. Истина и метод... С. 365.

⁷¹ Koselleck R. Vergangene Zukunft. Zur Semantik geschichtlicher Zeiten. Frankfurt/M.: Suhrkamp Verlag. 1989. S. 354.